

Конечно, меня это расстраивало, но я с этим ничего и не делала.

Я думала, что это чересчур, мне даже в каком-то смысле было наплевать, что обо мне говорят другие. Я не проясняла недопонимания, а просто обнимала себя и плакала в подушку.

И хотя люди меня ненавидели, посторонние дети относились ко мне по-другому. Они желали быть с себе подобными, но я отвергала их и даже не задумывалась о том, чтобы попытаться разрешить все недопонимания, что им случалось обо мне услышать. И в конце концов, как они и надеялись, я стала изгоем — врагом общества №1, который везде был чужим.

Оглядываясь в прошлое, я поняла, что, все же, было несколько людей, проявлявших дружелюбие. Но хоть они и могли дать мне совет, имея за плечами многолетний опыт, именно я предпочла закрыть глаза и уши, отказавшись от предложенных подсказок и помощи. Я всегда была ребенком, который отгораживался от людей, говоря: «Мне не нужны советы» и что я способна справиться со всем сама.

Если бы не достоинство нашего рода, высшее общество давно бы меня похоронило. Точнее, все благодаря моим детям. Именно они обратили меня в Ведьму имения Нойванштайн — и именно они не позволили мне пасть окончательно. Я думала, что однажды они смогут понять мои искренние намерения — но это было лишь моим эгоистичным желанием, иллюзией. Нельзя было дать этой чертовой свадьбе случиться.

Господи, может, и правда лучше будет уйти. В прошлый раз я не могла уехать, пока дети сами меня не бросили. Может, будет лучше уехать как можно раньше — ради их же блага...

Думая обо всем этом, я дошла до сердца сада: в самом центре сада за домом росли цветы самых разных цветов, и тут же стояла построенная из земли и песка маленькая крепость. Наверняка близнецы сделали.

Я как-то раз построила с близнецами снежный замок. Пока я формировала стены и колонны, Рэйчел сложила яркую бумагу в форме флага, а Леон пытался мастерить людей и животных. Атмосфера была чудесная — пока Элиас, возникший будто бы из ниоткуда, не увидел замок. Однако как только замок был уничтожен, Рэйчел начала плакать и закатила истерику, изливая на меня свой гнев. Но в конце концов все закончилось снежной битвой.

Я опустилась на землю с накинутой на плечи шалью, будто бы замороженная воспоминаниями, а затем взяла в руки немного мягкой почвы и начала укладывать ее на незаконченную часть башни. И когда я коснулась неровных крыш, заборчиков и солдат, стоявших у ворот крепости, голубоватая дымка испарилась, и все вокруг озарил свет.

Не знаю, как долго я этим занималась. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы осознать, что проходящие мимо рыцари смотрят, чем я там занята. Ни слуги, усердно переносившие в ранний час на кухню ингредиенты, ни горничные с дворецким, вышедшие на улицу, дабы найти не меня, — не могли отвести от меня взгляд, заметив на земле.

И, наконец, меня, будто игравшего с песком и землей малое дитя, остановил совершенно неожиданный человек:

— Ты что, ребенок?

И у кого это там такой заносчивый тон? Не у второго ли сына — того, что приносит больше всех проблем?

Я вскочила на ноги. Как и предполагала, рядом, уставившись на меня, стоял Элиас. Не двадцатилетний молодой юноша, которого я помнила, а Элиас — маленький мальчик тринадцати лет от роду.

— Его сделали мои младшие, так зачем ты его трогаешь? — воскликнул он.

И это все, что ты скажешь? Ты совсем не изменился. Я подавила горькую улыбку и отряхнула руки, а затем улыбнулась в ответ:

— И тебе доброго утра.

Получив ответ, который был совсем для меня нехарактерен, Элиас вздрогнул, а затем внимательно посмотрел на меня, будто пытаюсь что-то заметить на моем лице:

— Ну и кто теперь с этим играть будет? — он подошел к замку и снес его ногой.

Аааааахтыж!..

Эх, ну и зачем я так старалась, если его в итоге постигла подобная участь? Засранец ты эдакий, как вам с братом вообще достался такой отвратительный характер? Случись это в прошлом, я бы злобно спросила, зачем он это сделал, но сейчас злиться на тринадцатилетку было сложно. Все же у меня мозги двадцатитрехлетней женщины, которая через все это уже проходила, верно?

Поэтому я просто безразлично улыбнулась — но, похоже, этот мальчишка был настроен как следует поссориться.

— Ого, неужели отец умудрился и нечто столь бесполезное в завещании прописать?

Подобное замечание было невероятно бесчувственным, даже безжалостным. Хорошо, допустим, что ты просто такой человек, раз уж говоришь подобное, но почему ты заикаешься тогда? Похоже...

— Я сожалею.

— Что?

— Мне жаль.

Я тихонько достала носовой платок и прижала его к лицу. На самом деле я просто вытерла пот, но, похоже, мальчик все неправильно понял.

— Какого? С чего вдруг так внезапно?!

Видимо он решил, что я заплакала, и покраснел, заходясь от волнения. Если так подумать, он всегда был неожиданно слаб к чужим слезам. Но даже находясь в растерянности, своей позиции он не изменил:

— Да что я тебе сделал?! Хватит плакать!

— Прости, я просто...

Когда у меня вздрогнули плечи, и я снова приложила платок к лицу, лицо Элиаса стало красным будто вулкан перед извержением. Ха-ха, давненько я не видела такой мордашки.

— Не плачь, глупая! Что вообще хорошего в том, чтобы играть в грязи, как маленький ребенок...

— Элиас!

А вот это уже была не я. Ну, еще бы — не мог же мой голос быть мальчишечьим. Вмешался никто иной, как Джереми. Похоже, у него была утренняя тренировка с рыцарями: капельки пота, застывшие у него на висках и шее, блестели в лучах утренней зари.

— Что ты сделал?

— Н-ничего! Она сама неожиданно заплакала.

В этот раз оппонентом Элиаса был уже Джереми, который был не менее упрям, чем его младший брат — а может, даже более. Даже близнецы с их отвратительным характером становились перед старшеньким кроткими овечками.

— Мне что, показалось, по-твоему?

— Это потому, что она трогала замок Леона и Рэйчел! Что ты?..

— Ты что, ребенок?

Чтобы ни пытался сказать в ответ Элиас, печально, что свирепый взгляд Джереми его буквально заткнул.

— ...Я ужасно голоден, — Элиас как-то неловко замолчал, а затем бросил на меня свой взгляд. И, в итоге, он пробормотал какую-то гадость и ушел. Ладно, и то хорошо.

Ой, прости. Я чуть про тебя не забыла...

— Так, ты в порядке? — из-под его золотых локонов, подобных утреннему солнцу, на меня взирали темно-зеленые глаза. И я молча уставилась на него — хоть я и немного нервничала, я все же решила ничего не говорить. Это все из-за той чертовой свадьбы, что произошла прямо перед моим возвратом в прошлое? Я очень нервничаю, глядя на этого мальчишку.

Тишина все тянулась, и к тому моменту, как она стала совершенно невыносимой, Джереми наконец открыл рот и осторожно спросил:

— О чем ты думала?

— Ты про что?

— Я про тетю.

...Это похоже на какой-то новый формат ссоры.

Твоя тетя хочет быть здесь. Так почему ты вдруг решил поднять этот вопрос? Эй, ты, маленький сопляк, если бы я этого не сделала, ты бы потом обвинил меня в этом!

<http://tl.rulate.ru/book/96828/1904832>